

18+ Александр МИЛКОВИЧ

МИР ВНУТРИ НАС СЕРЫЙ ГОРОД

Алекс Милкович

Мир внутри нас. Серый город

«Издательские решения»

Милкович А.

Мир внутри нас. Серый город / А. Милкович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909235-9

Рик Бучер, работник шинного завода, тяжело болен. У него диагностировали рак желудка. Лечение не дает результатов, Рику становится только хуже, и врачи подозревают, что опухоль — не единственная причина плохого самочувствия Рика. Но что же тогда? Друг Рика, Адам, намеревается спасти его и обращается за помощью в могущественную фармацевтическую корпорацию. От главы фармкомпании Адам узнает, что единственный шанс выявить причину заболевания друга — проникнуть внутрь его организма...

ISBN 978-5-44-909235-9

© Милкович А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Первые проблемы	6
Глава 2. По разные стороны баррикад	11
Глава 3. Опухоль	15
Глава 4. На заводе «Раунд»	24
Глава 5. Посетители	28
Глава 6. Глобал Фармасьютикалс	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мир внутри нас. Серый город

Алекс Милкович

© Алекс Милкович, 2024

ISBN 978-5-4490-9235-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Первые проблемы

Черные клубы дыма вместе с сажей от переработанной резины тянулись длинным шлейфом в мертвое небо стального цвета, которое оставалось таким уже много лет. Завод «Раунд» не собирался останавливать работу сегодня: ведь босс сказал, что поступил новый заказ на свежую партию покрышек, а значит – работы предстоит еще немерено. Ведь рабочим нужно зарабатывать деньги для босса, а то ж нахрена они тогда нужны?

Так думал Рик Бучер, выходя промозглым осенним вечером с заводской территории, окруженной высоким бетонным забором, по верхнему периметру которого пролегал колючая проволока. Ржавые ворота за его спиной жалобно заскрипели и с шумом захлопнулись, он вступил на территорию первого муниципального района, где действовали законы города. Только подумать: от этой едва заметной полосы, оставленной створками ворот, могла зависеть чья-то жизнь: на заводе он мог быть героем, а за его пределами становился преступником. Завод подчинялся только боссу, ни полиция, ни городской совет не имели здесь никакой власти.

Смачно сплюнув на почерневшую землю, покрытую окурками, Рик Бучер направился в ближайший бар, одиноко стоящий метрах в пятидесяти от заводской стены. «Большой стакан» – гласила вывеска на входе, переливающаяся ярко-красными неоновыми огнями. Прерзительно хмыкнув, Рик вошел внутрь.

– Баночку темного, – обратился он к бармену, который равномерно разводил грязь жестким полотенцем по посуде.

Бармен удивленно поднял брови, но тут же узнал частого гостя. Невысок, плешив, бледно-зеленые злые глазки, смотрящие исподлобья, тонкие руки и ноги, так нелепо выглядящие на фоне округлившегося животика. Что же его зацепило в этом на первый взгляд невзрачном типе?

– Мне еще долго ждать! – сорвавшись на визг, завопил рабочий.

Голос! Точно! Такой ни с чем не спутаешь: злобно писклявый, как у мерзкой крысы, загнанной в угол, но готовой к последнему бою. Бармен налил ему полную кружку темного и подтолкнул вперед, отчего пенящийся напиток с легким шипением выплеснулся на рубашку Рика.

– Чертов ублюдок! Посмотри, что ты наделал! – закричал Рик, тыча бармену под нос клок своей и без того грязной рубашки, пропахшей потом и сажей.

– Гони деньги и не ори, иначе я вызову копов, – спокойно заявил бармен, скрестив мускулистые руки на груди.

Отсчитав горстку монет, Рик бросил их с негодованием на прилавок и направился к дальнему столу. Здесь в полумраке он мог побыть один и все хорошенько обдумать. То, чего он опасался на протяжении трех последних лет, наконец, случилось. Здоровяк Кил вновь начал на него травлю. Пока дело ограничилось лишь словесной бранью, но Рик не сомневался, что Кил и его приятели с нетерпением ждут возможности отдубасить его до потери пульса. Его гребанный трехлетний отпуск подошел к концу. Не сказать, чтобы жизнь стала сладкой: скотина Босс по-прежнему давил из него все соки, а прочие людишки злобно насмеялись над ним, однако времена, когда его превращали в отбивную котлету закончились. Это случилось, когда он дал Килу и его банде жестокий отпор.

Тот момент ярким пятном отпечатался у Рика в памяти. Его загнали на наружную лестничную клетку восьмого производственного корпуса – отступить было некуда: сзади и с боков, отделенная низкой решеткой металла, его окружала десятиметровая пропасть, а спереди к нему подбирались две ухмыляющиеся рожи: Эндрю и Роб, брат-близнец Кила. Рика спасли две вещи: быстрота и остро-отточенное лезвие ножа. Эндрю отделался порезом руки, а вот Робу повезло меньше: Рик впечатал лезвие ножа в живот громилы, выпустив тому кишки, после

чего ударом ноги он помог ублюдку спуститься вниз. Роб пролетел десять метров и с громким хрустом приземлился на позвоночник. Он до конца жизни остался инвалидом, безвольным овощем в коляске. После этого Кил и его дружки отстали от Рика, занявшись привычным и более безопасным для них делом – «охотой на кроликов». «Кроликами на заводе называли новеньких, неопытных парнишек, которым предстояло пройти семь кругов ада, прежде чем стать настоящими рабочими.

Рик нащупал в кармане рукоятку памятного ножа, и это успокоило его. Он вновь был готов дать отпор. Рик ненавидел людей с самого детства. Лучшее, что они могли сделать для него – это не замечать, а худшее? Что ж это лучше спросить у Кила. Рик Бучер был для него не типичным «кроликом», он не сбивался в стаю с другими и не скулил, когда его дубасили отбойными кулаками. Он молчал и терпел, не произнося ни звука, но в его глазах читалась злость, нет хуже – ненависть. Рик был «крысой», готовой укусить в любой удобный момент. И он «кусал», и очень больно.

Бармен плюхнул перед Риком на стол поднос с громадным мясным бургером, истекающим жиром. Рик хотел жрать и прямо сейчас. Не обращая внимания на бармена, он с остервенением набросился на свой ужин, разрывая зубами жилистое жирное мясо и зачерствевший хлеб с редкими листиками салата.

Колокольчик на двери бара резко звякнул, возвестив о прибытии нового посетителя. Глаза редких выпивох поднялись, на секунду задержавшись на новоприбывшем, и тут же снова опустились в пивные стаканы. Рик тоже поначалу едва удостоил нового посетителя взглядом, но сделав огромный глоток пенистого пива, увидел, что перед ним стоит его напарник по работе – Адам.

Адама заметил не только Рик, но и бармен, который с явным неудовольствием разглядывал грязные окровавленные следы от босых ног Адама. Худой и высокий, в рваной безликой одежде, с длинными светло-русыми волосами, беспорядочно спадающими на плечи и такой же неопрятной бородой, Адам походил на бродягу или же на проповедника не от мира сего, каким он, по сути, и являлся. Недаром же его прозвали на работе «Иисус». Но самое главное, что Адам был единственным человеком во всем мире, которого ценил и любил Рик. Адам стал для него первым и единственным настоящим другом.

– Я знал, что ты будешь здесь, Рик, – произнес Адам едва слышно. – Ты каждый вечер проводишь в баре.

– Лучше скажи мне, что ты здесь делаешь. Охренеть, никак не ожидал тебя здесь увидеть! Адам аккуратно обошел стол и уселся на перекошенный стул, напротив Рика.

– Пить будешь? А совсем забыл, что ты не пьешь! – махнул рукой Рик и произвел еще один исполинский глоток.

– Я пришел сюда только ради тебя, Рик. Я хочу спасти тебя.

Рик раздраженно бухнул полупустой кружкой по столу.

– Послушай, Адам, у нас был адски тяжелый день, ты ж это знаешь. Так нахрена ты трахаешь мне мозги снова и снова? Босс итак наорал на нас из-за гребанного «неровного» покрытия. А на наши руки, покрытые кровотокащими волдырями и мозолями, ему насрать! Вонючий жирный ублюдок!

– В его сердце просто нет Бога..

– У него вообще нет сердца! Его заботит только прибыль, на все остальное ему плевать!

– Я не хочу, чтобы ты стал таким, как он, Рик.

– А я и не стану! Где мне найти столько бабла, чтоб забаббахать завод?

– Я о другом, найди в своем сердце места для Бога.

– Бог, бог. Вот заладил. Где был твой гребанный бог, когда Кил и его дружки превращали мое тело в отбивную котлету?! Где он был, когда они подожгли мою одежду, и я драпал домой нагишом, а? Где он был, когда они сломали мне правую руку и я работал одной рукой? Нет

никакого бога, а если и есть, то кувыркается где-то там на небесах, а на нас ему совершенно насрать.

В воздухе повисла напряженная тишина, Рик понял, что сказанул лишнего и, пытаясь заглядить вину, одобряюще произнес:

– Слушай, а давай я тебе тоже закажу темненького и че-нибудь пожрать, а?

– Я не пью Рик и не буду есть здесь. Ты и сам губишь себя, выпивая столько алкоголя каждый день и поедая нездоровую пищу. А твои походы в бордель? Ты возможно еще не понимаешь, но ты убиваешь себя этим. Я, правда, хочу спасти тебя.

– Адам, честное слово, ты как мамочка. Я.., – но договорить он не успел, так как услышал звук подъезжающих байков со стороны улицы. Мощные моторы ревели, как дикие звери, но вот они заглохли и раздались тяжелые шаги. Кто-то шел в направлении бара, и этот кто-то явно был не из робкого десятка. Это Рик понял сразу и нащупал в кармане успокоительную холодную сталь.

Когда четверо огромных накачанных мужлана в черных кожанках с битами наперевес вошли в помещение, стуча тяжелыми берцами, бармен сразу смекнул, что может понадобится помощь легавых. У этих малых на уме явно не пивка попить. Он знал, что эти байкеры – рабочие с завода «Раунд». Но так почему бы им не бухать на территории завода, а не в его заведении! Но вслух он ничего не сказал – жизнь была дорога. Каждый из выпивох тоже поднял взгляд в сторону непрошенных гостей – пары спирта мигом выветрились из задурманенных голов. Посетители взволнованно переглядывались, явно не готовые к такому повороту событий.

– Гони выпивку! – рявкнул самый здоровый из громил, подходя к барной стойке.

Под черной кожанкой бугрились стальные мускулы, а кожа обтягивала огромный лысый череп настолько плотно, что, казалось, была сшита не по размеру. Пара маленьких злых голубых глаз вбуравились в лицо бармена, словно хотели испепелить его. Это был Кил – тот самый, о ком не так давно вспоминал Рик. Кружка размером почти с ведро мигом оказалась на стойке, Кил залпом осушил напиток и громко рыгнул, затем перевел взгляд своих маленьких глазок в дальний угол бара, где за ним настороженно наблюдали наши друзья.

– Здорово, педики! – воскликнул Кил и громогласно захохотал, его смех поддержали еще трое громил. Рик знал каждого из них: Эндрю, Билл и Крон – вечные подпевалы и подданные Кила, в их огромных черепных коробках серого вещества была едва ли больше, чем в одной курице.

– Мы не педики, чертов ублюдок! Мы просто друзья! – вскипел Рик, вставая из-за стола.

– Мы не педики! Мы просто друзья! – передразнил его Кил тонким голосом. – Знаешь, звереныш, мне кажется, ты уже долго находишься в вольготных условиях, мы не дубасили тебя с того самого момента, как...

– Как я укукошил твоего братца, всадив ему перо в пузо и спустив с высоты третьего этажа. Как он поживает, кстати? Ты ведь убираешь за ним дерьмо, Кил, а? Думаю, ты стал бы хорошей мамочкой.

Лицо Кила приобрело оттенок вареного рака, а огромные кулачищи сжалились настолько сильно, что захрустели костяшки пальцев. Но Рик, словно не видя этого, продолжал:

– А ты Эндрю, помнится я тоже задел тебя? Как тебе пришлось по вкусу двадцать сантиметров нержавеющей стали? Рука до сих пор болит? Но ведь это было не хуже, чем член твоего папаша?

Эндрю напоминал разъяренного быка, его покрасневшие глаза бешено вращались, а огромные ноздри со свистом выдыхали воздух.

– Пора кончать с тобой, звереныш. Ты очень много пищишь. В тот раз тебе все сошло с рук, но не сейчас. Пора отплатить за то, что ты сделал с моим братом, – голос Кила внезапно

стал совершенно спокойным и Адам понял, что Кил убьет его прямо здесь вместе со своими друзьями.

Он спланировал все заранее, никто не будет вмешиваться, все разбегутся, а эти мудаки будут избивать его дубинами, берцами и кулаками, пока он не испустит дух. Им плевать на законы города, они живут на территории завода, поэтому за убийство здесь им ничего не грозит, они спрячутся от копов за заводской стеной. Эти мысли пронеслись в голове настолько быстро, что у него закружилась голова.

– Эй, парни, парни, полегче. Вы на территории города, и если вы не прекратите, то я буду вынужден вызвать полицию, – нашел в себе силы произнести бармен.

– Заткнись или я разможжу тебе голову, – предупредил Кил и с треском засадил битой по прилавку, отчего на нем образовалась крупная вмятина. Бармен тотчас же юркнул под стол.

– По поводу копов можешь не волноваться – я их купил, купил их время. Сейчас они вместо того, чтобы быть на посту, развлекаются с отменными шлюхами. А теперь обращаюсь ко всем остальным, кроме звереныша: быстро на выход, а то намотаю ваши кишки на эту битую!

Дважды повторять ему не пришлось: народ, полностью отрезвев, с ужасом бросился к единственной двери. Через минуту в зале остались только четверо громил, бармен, так и не рискнувший вылезти из-под стойки, Рик и Адам.

– А тебе, что особое приглашение нужно, Иисус? Помолись за своего любовника, скоро его не станет, – ухмыльнулся Кил.

– Я скажу, что вы совершаете неправильные поступки, вы не видите Бога, не видите его чистоту, – огромный кулак справа врезался ему в ухо, Адам отлетел к стене, как плюшевая игрушка. Это был Эндрю, ему надоело болтать – он жаждал крови.

– Что вы делаете, твари! – завопил Рик. Его тонкий голос вновь перешел на визг, внутри ужас смешивался с гневом. Он аккуратно и незаметно достал нож и с ненавистью посмотрел на гогочущие рожи четырех лысых громил. Рожи начали расплываться, словно по ним пошла рябь, нет – словно он находится в комнате смеха. Его затошнило, пространство бара стало двоиться перед глазами и эти мерзкие рожи, ему хотелось блевать от одного взгляда на них, но он не мог, они были повсюду, окружали его со всех сторон. Рик выронил нож, а затем вокруг наступила тьма.

Солнечные блики пробудили его. Рик открыл глаза: он находился в больничном крыле. Ряды коек, белые стены – что с ним, черт возьми, случилось? Он ничего не помнил. Два больших черных глаза вынырнули прямо у него перед носом.

– Привет, как тебя зовут? – спросил голосок.

– Рик, – произнес тот онемевшим языком.

– А меня – Аннет, будем знакомы, – перед рабочим склонилась девочка лет семи, ее темные густые волосы едва не касались лица Рика, а огромные черные глаза с любопытством изучали его.

– Я знаю, почему вы здесь, – с серьезным видом заметила девочка.

– Что случилось, черт возьми. Я ведь ни хрена не помню, как будто мне мозги отшибло, – пропищал Рик.

– А ругаться вовсе не обязательно, – назидательно заметила девчушка, подняв вверх свой маленький пальчик. – Вы совершенно не жалеете своих маленьких человечков!

– Каких-таких маленьких человечков? – удивленно заметил Рик, в нем проснулся легкий интерес, что редко бывало ранее. Что хочет втолковать ему эта кроха?

– Тех, которые трудятся внутри вашего организма, поддерживают ваше здоровье, а вам на них плевать!

– Но, но, полегче!

– Хотите услышать про них сказку? – пытливо заметила девочка.

– Валяй.

– Жила-была маленькая девочка, которая любила есть сладкое, но ненавидела чистить зубы. Как-то раз мама забыла проконтролировать свою дочку, и та не почистила свои зубки, представляете? В результате зубной нарощек, который помогал ей пережевывать пищу, заболел: на него напал злобный кариес! И девочке пришлось идти к страшному дантисту! Это реальная история, и она приключилась со мной, поэтому с тех пор я берегу своих маленьких жителей и даю им время на отдых. А вы бессердечно заставляете их трудиться в поте лица круглые сутки, как рабов!

– Да что ты знаешь о настоящей работе! – внезапно разозлился Рик. – Вот поработай с мое на заводе – тогда поймешь! Как вставать в пять утра и тащиться на смену, где на тебя орет Босс, и ты гнешь спину до позднего вечера, стирая руки в кровь! А сейчас – нечего меня поучать!

Рик понял, что перегнул палку, но было поздно. Губки девочки задрожали, а глаза увлажнились.

– Я помогаю здесь маме лечить таких, как вы! – воскликнула она и выбежала из палаты, громко хлопнув дверью, оставив Рика наедине со своими невеселыми мыслями.

Глава 2. По разные стороны баррикад

Заседание правительства города проходило бы, как в прежние времена, в атмосфере умиротворенности и спокойствия, если бы не один назойливый и энергичный молодой человек – недавно избранный мэр города, мистер Толбот, чьего настоящего имени не знала даже родная мать. Высокий и нескладный, в толстых роговых очках, мистер Толбот с раннего детства ненавидел физический труд, противопоставляя ему труд умственный. Он обожал деловой стиль и всегда следил, чтобы носки его туфель были начищены до блеска, а на ровно выглаженных брюках не задержалось ни одной пылинки. Тысячи идей роились в его мозгу, и каждой из них он был готов дать шанс вырваться наружу и вырасти в новое успешное преобразование города. Активно жестикулируя, мистер Толбот расхаживал поперек большого полукруглого дубового стола, за которым собрались старейшины города.

– Экологически чистые производства – это то, что нам нужно! – говорил он. – Мы снизим выбросы углекислого газа в атмосферу, а также создадим новые рабочие места. Это плодотворно скажется на экономике города. Только представьте, насколько возрастет городская казна, а как обрадуются люди, которые мыкаются, не зная, где им пристроится, перебиваются с копейки на копейку! Больше этого не будет! Мы принесем пользу этому городу – реальную пользу! Сделаем тысячи людей счастливыми!

По ходу монолога его глаза все больше разгорались от возбуждения, а голос крепчал, но на волне энтузиазма был только он один – большинство старейшин городского совета, многим из которых перевалило за восьмой десяток, мирно посапывали. Те же, кого еще не одолел сон, откровенно зевали, неприлично причмокивая губами.

– Да что со всеми вами такое?! Такое чувство, что это надо только мне одному! – высказал стопроцентную правду мистер Толбот.

– У нас уже есть производство в городе – завод «Раунд», – едва разлепляя губы, произнес один из старейшин.

– Завод «Раунд»?! – еще более разгорячился мэр. – Да известно ли вам, что такое этот завод «Раунд»? Во-первых, они имеют полную автономию и не подчиняются ни одному городскому закону, а следовательно не платят налогов! Во-вторых, никто в нашем городе не ездит на машинах, поэтому вся их продукция направляется в столицу, поэтому мы не получаем даже вещественной пользы от его деятельности! В-третьих, семьдесят процентов преступлений в городе совершаются рабочими завода «Раунд», но ведь они спокойно могут скрыться за заводской стеной на земле, принадлежащей заводу «Раунд», и полиция не в силах будет что-либо предпринять, так как повторю: завод имеет полную автономию и не подчиняется никому кроме его владельца, так называемого Босса. Этот Босс сосет деньги из нашего бюджета, как ненасытный вампир кровь. Шинный завод «Раунд» – это раковая опухоль, которую необходимо уничтожить раз и навсегда!

Он окинул взглядом присутствующих и понял, что его речь не произвела ни малейшего впечатления на старейшин: посапывание в сочетании с храпом только усилилось. Тогда мэр сделал несвойственную ему вещь: подойдя к столу, он с размахом ударил по поверхности своими маленьким костлявым кулаком и тут же заверещал от боли. Этот визг разбудил старейшин куда лучше, чем глухой удар по столу. Причмокивая губами и сморкаясь, они удивленно протирали заспанные глаза старческими кулачками, пока мэр подвывал от боли, потрясая костлявой рукой.

– Нам надо лишить «Раунд» автономии, – произнес он ключевую фразу, оправившись от боли. Старейшины сразу оживились и принялись шептаться, но по их виду мэр понял, что в очередной раз не найдет одобрения среди этих стариков, просиживающих свои дряблые зад-

ницы много лет без всякой видимой пользы для города. В их глазах он прочитал только две эмоции: недоверие и страх.

– Это слишком рискованно! – вставил один из них.

– Автономия завода защищена городской конституцией! – прошамкал один из самых старых представителей правительства, потрясая в воздухе тонкой потрепанной книженцией. – Ее нельзя нарушать!

– Но есть другие ходы, лазейки, благодаря которым можно обойти некоторые пункты конституции. В юридическом праве есть...

– Нет! Это исключено! – прошамкал старикашка и хлопнул книжкой по столу.

– Да, да, слишком рискованно... Завод уже тысячу лет здесь, пусть будет и дальше. Так спокойней, а спокойствие – это главное для нас, – раздавались голоса с разных сторон стола.

Мистер Толбот понял, что эта битва проиграна. Он пытался уже несколько раз решить этот скользкий, но тем не менее важный для него и для города вопрос, однако до сих пор все было безуспешно.

– Ладно, – выдавил он из себя притворную улыбку, – давайте поговорим о более насущных вещах – о развитии экономики нашего города. Чтобы экономика развивалась, нужна конкуренция, а конкуренция не возьмется из ниоткуда, ее надо поощрять. Я предлагаю объявить конкурс проектов по созданию предприятий. Если предприятие отвечает определенным требованиям, то автор проекта получит пятьсот зеленых на его организацию. Победители конкурса же получают пять тысяч зеленых в виде премии и дополнительные деньги из фонда на ведение бизнеса, а кроме того – послабление в форме налоговых каникул на пять лет. Мне нужно, чтобы вы подписали это распоряжение, – и он достал из кожаного портфеля несколько криво скрепленных бумажных листов. Листы пошли из рук в руки, старейшины нехотя подписывали их.

«Такое чувство, что им было даже лень поднять руку и поставить завитушку! – так думал мистер Толбот, с легким презрением оглядывая старейшин. – И с этими людьми я работаю? Главное, чтобы самому не деградировать».

– Мистер Толбот, сэр, – донеслось чье-то шептание. Мэр снова обвел глазами зал, но старейшины по-прежнему шелестели бумажками и, казалось, забыли о существовании мэра как личности.

– Мистер Толбот! Я здесь! Дело очень важное, уделите мне время, – шепот доносился сзади. Мэр оглянулся и увидел начальника полиции, стоящего в дверях, тот был явно чем-то сильно взволнован. Подойдя к мэру вплотную, он что-то быстро прошептал тому на ухо, и лицо мистера Толбота сразу переменялось.

– Ко мне в кабинет! – скомандовал мэр. – Господа старейшины, я вынужден покинуть совещание по неотложным делам! Оставьте подписанный документ на столе! – как можно громче сказал он, но старейшины даже не повели головой.

Мэр пулей влетел в кабинет, на ходу снимая пиджак и закатывая рукава рубашки.

– Выкладывайте все по порядку! – приказал мэр начальнику полиции, который в нерешительности мялся в углу, рассматривая собственные руки.

– Я узнал об этом только сегодня утром, сэр. Я пытался связаться с тремя дежурными, которые несли ночную вахту, но не получил ответа. Тогда я позвонил их коллегам, и знаете, где проводили свою вахту дежурные? В борделе! – протараторил начальник полиции.

– Это притон давно пора закрыть, но продолжайте.

– Но самое интересное, что сделали они это не по собственному желанию. Им заплатил один из рабочих шинного завода, кажется, его зовут Кил. Чтобы они провели ночь не на своей смене и не выезжали, если поступит вызов.

– Интересно и с какой же целью? – мрачно спросил мистер Толбот, уже догадываясь о сути произошедшего.

– Из бара «Большой стакан» поступил вызов в скорую. Один из рабочих упал в обморок после нескольких кружек пива, но, как выяснилось, тем самым он спас себе жизнь. Между рабочими была готова вспыхнуть серьезная потасовка. Один из очевидцев говорит, что видел, как в бар вошли четверо крепких парней в кожанках с битами наперевес. И вошли они туда явно не для того, чтобы осушить бутылочку темного после напряженного рабочего дня. Они вели себя агрессивно по отношению к двум другим рабочим, уже сидящим в баре. Их зовут Рик и Адам. Рик и есть тот несчастный, что упал в обморок в тот самый момент, когда его хотели промять кулаками и битами. Они не рискнули избивать его в таком состоянии, благо бармен уже вызвал скорую.

– Кто-нибудь из посетителей, бармен, может подтвердить это в суде?

– Нет, они до смерти напуганы, я сам едва вытянул из них информацию.

– А этот парень, Рик. Он сейчас до сих пор без сознания?

– Не знаю, сэр. Он находится в первом клиническом центре. Но неужели вы думаете, что он сам согласится...

– Думаю, что согласится. С теми ребятами у него явно свои счета и он будет готов сделать все, чтобы упрятать этих ублюдков за решетку, а за одно и толстяка.

– Вы про Босса?

– Ты что дурак? Откуда у простого рабочего денег на ночь с тремя шлюхами, плюс залог для трех офицеров полиции. Он что, по-твоему, зарплату на это откладывал? Нет, за всем стоит толстяк. Неужели ты не видишь, что он плюет нам в лицо! Он уже играет на нашей территории по своим правилам, устраивает здесь разборки!

– Что прикажете делать, сэр?

– Накажи своих служащих, которые не вышли на смену.

– Я уже сделал это. Я их уволил.

– Я имею ввиду другое – отправь их на исправительные работы, пусть работают насильно, если не хотят добровольно. Не хватало еще, чтобы они пополнили новые ряды рабочих «Раунда».

Мэр еще долго смотрел сквозь кристально чистое стекло в окне своего кабинета на город, а точнее на причину всех бед – завод «Раунд». Блеклое семиэтажное здание, окруженное бетонной стеной, оно бы давно затерялось среди столичных высоток, но здесь в городе, оно четко выделялось на фоне других серых обшарпанных домов. Даже отсюда он ощущал грязь и копать, исходившие от завода. И мэр улыбался. Он наконец-то нашел ключик к уничтожению толстяка.

Мистер Толбот и не догадывался, что прямо напротив него на расстоянии нескольких километров, стоит человек и зеркально смотрит на городскую ратушу сквозь огромное грязное, покрытое сажей окно собственного кабинета. И не будь все так прозаично, если бы этим человеком не был владелец завода «Раунд» или для простоты – Босс, имевший на город собственные планы.

Его реального имени и возраста не знал никто. Казалось, что он правит заводом вечно. Когда возник сам завод, тоже было проблематично вспомнить. Старожилы говорили, что лет сорок назад, а то и пятьдесят. Удивительно, но с годами Босс совершенно не менялся: высокий и толстый с круглым и плоским, как блин лицом, в одном и том же костюме, покрытом копотью, пылью и резиновыми стружками, который он, казалось, носил всю жизнь. Примечательную деталь составляли маленькие круглые очки, которые постоянно запотевали в разогретом до сорока градусов заводском цеху, но, несмотря на это, Босс видел все, что происходит на заводе: кто отлынивает от работы, кто делает ее в пол силы, а кто вообще не пришел на смену. А его громогласный голос появлялся задолго до самого владельца. Вот и сейчас он опередил вошедшего в кабинет Стервятника – своего верного шпиона, внешне похожего на грифа-падальщика, сгорбленного человека с ярко-блестящими плутоватыми глазами.

- Рик и Кил, да?
- Не только они, там еще были Эндрю, Билл, Маг и этот страненький. Адам – вот его имя.
- Но все же главные действующие лица – это Кил и Рик. Я думал, что Кил перестал гоняться за Риком после того случая с его братом, но видно я ошибался.
- Вы собираетесь его наказать?
- Кого Кила? Нет, конечно! Разборка произошла не на территории завода, кроме того, Кил один из лучших моих работников. Что касается Бучера, то ему нужно встать на ноги, и как можно скорее. Где он сейчас?
- В первом клиническом центре, пока диагноз не ясен.
- Меня это и не волнует. Если он не вернется в строй через три дня, то мы найдем ему на барабан замену. Сегодня было совещание в правительстве. Что услышал?
- Мистер шалтай-болтай как всегда на взводе, костерит ваш завод на чем свет стоит. Сегодня снова предложил лишить «Раунд» автономии, но старичье ни в какую – на них можно положиться. Мэр предложил организовать конкурс на создание нового бизнеса, победитель получит пять тысяч зеленых и кучу привилегий.
- Хрень. Никто не пойдет на это. Бизнес в этом городе могу делать только я. Я имею в виду нормальный бизнес, а не забегаловку по продаже паленых сосисок.
- Есть еще кое-что, – и привратник понизил голос до шепота.
- Говори.
- К ним зашел коп и долго беседовал с мэром о происшествии в баре.
- Ну и мне-то что с этого?
- Мэр хочет каким-то образом использовать Рика в своих целях, против вас.
- Следи за Риком, не спускай с него глаз. Если мэр вступит с ним в контакт, то дай знать.
- Слушаюсь, – промолвил Стервятник и медленно удалился. Он ступал бесшумно, но Босс слышал все. Никто не мог застать его врасплох, а тем более этот недотепа – мэр. Да кем он себя возомнил?! Глупый мальчишка с раздутыми амбициями. Он не имеет никакого понимания о правильном управлении! С этими мыслями Босс удалился вглубь кабинета, где находилась его спальня.

Глава 3. Опухоль

В палату вошла довольно молодая и привлекательная женщина, Рик сразу же заметил в ней сходство с малышкой, которая выбежала минуту назад: такие же большие глубокие черные глаза, короткие аккуратно подстриженные темные волосы и невысокий рост.

– Это ведь ваша дочка? – спросил он.

Медсестра поначалу удивленно подняла глаза, сначала не поняв: откуда исходит этот странный тонкий голос, но потом, увидев, что в палате только Рик, улыбнулась и ответила:

– Да, моя. Меня зовут Линда, кстати. Как вы себя чувствуете?

– Хреново. В животе скрутило так, что хочется скорее просрать или выbleвать все, что сожрал вчера.

Медсестра, казалось, пропустила грубые выражения мимо ушей. Она присела на краешек его койки и с легкой грустью посмотрела на Рика.

– У меня есть для вас неприятные новости, но вы должны их узнать, лучше рано, чем поздно.

– Валяйте, обожаю плохие новости на завтрак! – с нескрываемым сарказмом заметил Рик.

– У вас диагностирована третья стадия рака желудка, вам предстоит длительное лечение с применением химиотерапии, отчего вы возможно будете чувствовать себя еще хуже. Вам противопоказана физическая активность на протяжении полугода.

Казалось, эта новость несколько не расстроила Рика. Он протяжно зевнул, а затем произнес таким тоном, словно разговаривал не со взрослой женщиной, а с наивным ребенком.

– У меня уже была опухоль в печени. Я ее спокойно пережил. А сейчас мне надо идти на гребанную работу, пока мой босс, сраный жирдяй, не пошлет меня на три буквы. Так что, милочка, я тебе благодарен за заботу и все такое, но здесь я уже належался.

Рик попытался подняться с койки резким рывком, но внезапная боль разорвала живот, он вскрикнул и упал на кровать, боясь пошевелиться.

Линда понимающе посмотрела на Рика, она тонко чувствовала своих пациентов. Этот лысый невзрачный мужичок с тонким голосом силен, но в еще большей степени несчастен. Он скрывает свое горе за кружкой пива в баре, жирным бургером на обед и грубыми непристойными словами. Линда не знала, выживет ли Рик или рак заберет его в могилу, но она точно знала, что обязана сделать все возможное, чтобы спасти этого человека.

Ободряюще улыбнувшись, Линда произнесла, обращаясь к Рику, который все так же неподвижно лежал на кровати:

– Мы поможем вам, мистер Бучер. А сейчас вас ожидает сеанс химиотерапии.

– А что это за хрень?

– Вы все увидите сами, – улыбнулась медсестра, однако на душе у нее было беспокойно. Каждое страдание пациента она переживала, как свое собственное.

Двери вновь распахнулись, и в помещение вошли двое санитаров с длинной каталкой. Рик судорожно сглотнул, происходящее становилось похожим на кошмарный сон, и он был вынужден признать, что играет в нем центральную роль.

Белоснежный пароход, весело попрыгивая колечками дыма, медленно причалил к пристани, всю поверхность которой заполняли уродливо сшитые друг с другом резиновые маты. Из глубин корабля показался деревянный трап, а следом за ним – пузатый коротышка с лихо закрученными черными усами, которым позавидовал бы сам Эркюль Пуаро. Коротышка был одет в черный фрак, из грудного выреза которого проглядывала белоснежная рубашка. На толстой покрасневшей шее красовался яркий малиновый галстук, который привлекал внимание

издалека. Его круглую лысину скрывал высоченный черный цилиндр. В таком «птичьем» наряде наш герой походил на веселого циркача-фокусника из заезжего цирка-шапито.

Коротышку звали Инсулин и сейчас, когда на часах пробило десять ноль ноль, началась его непосредственная работа. Он с неудовольствием осмотрел пустующую пристань и, заметив ближайшее покосившееся здание, быстрым шагом своих толстых ножек-боровичков направился к нему. Резкий порыв холодного ветра поднял в воздух черный цилиндр, закружив его в бешеном танце. Подпрыгнув как можно выше, Инсулин попытался поймать свой головной убор, но тот, словно насмехаясь над ним, резко отскочил влево по направлению к одинокой постройке. Лишь у самых дверей Инсулину удалось догнать свой злополучный цилиндр.

Здесь, в Кишечнике, ветер не прекращался ни на секунду. Его мощные порывы напоминали о себе сразу же, едва незадачливый путник сходил на пристань. Местные жители – энтероциты, уже давно привыкли к подобной погоде, но Инсулин, несмотря на то, что он ежедневно посещал Кишечник, так и не приспособился к здешнему климату.

Постучав в полуоткрытую дверь, наспех сколоченную из заплесневевших деревянных досок, и так и не дождавшись ответа, он вошел внутрь. В тесной темной каморке, казалось, было холоднее, чем снаружи. Эта неказистая маленькая постройка являлась пакгаузом, где хранились суточные запасы еды для всех жителей империи Организма. Однако сама каморка была лишь возвышением айсберга, а остальная часть пакгауза находилась глубоко под землей.

В каморке Инсулина встретило два смотрителя, одетые, как и все энтероциты, в плотные комбинезоны желтого цвета, предохраняющие от разъедающего воздействия ферментов. Оба смотрителя безмятежно спали. Инсулин, постояв минутку, предупреждающе кашлянул – никакой реакции, он кашлянул сильнее – энтероциты удивленно открыли заспанные глаза и, осознав, кто стоит перед ними, натянули угрюмые маски на заспанные лица.

– Доброе утро! – приветствовал их Инсулин. – Очередная загрузка. Сегодня – пятьдесят восемь тонн макарон по-флотски, тридцать девять тонн огуречного супас с фрикадельками и семь тонн воды с повышенным содержанием кальция, а также двадцать тонн фруктового мороженого на десерт в Головной Мозг. Итого пять миллионов семьсот тысяч порций. Вот подробная декларация из Головного Мозга на сегодня.

И Инсулин вручил одному из смотрителей туго свернутый сверток. Энтероцит без всякого энтузиазма пробежался глазами по обширному списку и осведомился у Инсулина:

– А почему нашим парням так мало?

– Таков указ, – пискнул Инсулин. – Я всего лишь невинный исполнитель. Надеюсь, вы уже отобрали порции для своих жителей?

– Да, можешь проверять, и звать своих громил на загрузку, – отозвался смотритель. Его напарник лишь просверлил Инсулина уничижительным взглядом.

Громилы, про которых говорил смотритель, и в самом деле были такими: массивные высокие грузчики, одетые лишь в набедренные повязки. Их беспристрастные каменные лица не выражали ни единой эмоции, ни единой мысли, а из плотно сомкнутых челюстей не доносилось ни единого звука. Молчаливые гиганты были созданы исключительно для тяжелого физического труда, которым, в частности, являлась загрузка-разгрузка тяжелых контейнеров с едой и питьем.

Инсулин решил осмотреться, пока шла загрузка. Кишечник представлял собой узкое сильно вытянутое в длину поселение, по форме напоминающее змею, окруженное с двух сторон двумя крупными каналами. Назвать его городом у Инсулина язык не поворачивался: ряды однотипных деревянных одноэтажных лачуг, равномерно разбросанных по всей территории – деревня, типичная деревня. Неровная резиновая поверхность кое-где потрескалась, образовав широкие разломы, в которые заливалась вода. В Кишечнике большая часть материалов была сделана из резины, в результате чего он получил прозвище «резиновый город». Ветра с обоих каналов, словно в порыве борьбы, сталкивались друг с другом в центре Кишечника, образуя

сильные завихрения, которые в непогожий день, могли вырасти в настоящие смерчи. Шаловливое дуновение ветра, унесшее цилиндр Инсулина, было лишь невинной шуткой по сравнению с ураганами, которые обрушивали свою мощь на резиновый город.

Инсулин окинул взглядом противоположный берег, где работала большая часть энтероцитов. Рабочие по пояс в воде длинной вереницей держали массивные шланги, в диаметре достигавшие человеческого роста, работа которых производилась за счет мощи одного единственного гигантского насоса. Шланги крепились железными ободами к противоположному берегу канала. Через интервалы, длившиеся в среднем одну минуту, шланги со стороны крепления резко утолщались: что-то большое медленно проскальзывало внутрь, а затем сбрасывалось в большие чаны на берегу. Инсулин знал, что это еда, поступившая из Желудка. Здесь, в Кишечнике, еда проходила завершающие стадии переработки и упаковки и становилась готова для употребления. А доставить пищу всем остальным жителям империи и правильно распределить было уже его задачей.

Внезапно один из шлангов начал медленно набухать: кусок, попавший в него, оказался слишком большим, и он остановил поступательное движение – куски пищи, следовавшие за ним, также застряли. Рабочие, стоящие по колено в воде, бросились в рассыпную. Мотор насоса резко загудел, а затем шланг с протяжным свистом взорвался, выбросив в воздух липкое содержимое желтого цвета.

– Остановите работу! Немедленно! – услышал Инсулин отчетливый голос бригадира. Люди в желтых комбинезонах резко засуетились, они напоминали потревоженных муравьев. Бледные куски пищи еще выплевывались из поврежденного шланга, но мотор затих и шланги остановились.

– А ты что уставился! – воскликнул бригадир, заметив Инсулина, пристально наблюдающего за происходящим. – Езжай! Корми чертовых богатеев! – он бросил в сторону коротышки презрительный взгляд и сплюнул на землю, его подчиненные с не меньшим презрением разглядывали Инсулина: его аккуратный, без единого пятнышка черный костюм, малиновый галстук и белоснежную рубашку.

Инсулин ненавидел простой люд: что здесь в Кишечнике, что в Печени, Почках или Желудке. Он боялся, что они отнимут у него все, что у него есть: великолепную пятикомнатную студию с собственным плавательным бассейном в Поджелудочной железе, обильное пятиразовое питание и три полных шкафа с одеждой всех цветов и фасонов. Инсулин любил роскошь и при одном взгляде на грязные заскорузлые руки рабочих видел руки воров и мошенников.

Инсулин обернулся, собираясь вернуться в пакгауз, но тотчас наткнулся на второго зрителя, который совершенно бесшумно подкрался к нему и сейчас также хмуро сверлил его взглядом.

– Выясни, что за хрень происходит в Желудке, – прохрипел он. – Уже второй шланг за сегодня выходит из строя. Такого быть не должно.

– Хорошос, хорошос, я все сделаю! – пискнул Инсулин и опрометью бросился к своему пароходу. Грузчики уже закончили погрузку: ряды массивных деревянных коробок неровными штабелями заполняли большую часть палубы и внутреннего помещения корабля.

– Отчаливаемс! Скореее, скроее! Мы опаздываемс в следующий пунктс! – прокричал коротышка, обращаясь к рулевому – массивному детине, в мускулистых руках которого штурвал казался детской игрушкой.

Пароход, издав напоследок печальный гудок, тронулся с места.

Через два с половиной часа Инсулин прибыл на следующую станцию своего маршрута – Желудок. Путь вверх требовал больше энергии, поэтому пароход поглощал удвоенные порции топлива. С неудовольствием Инсулин отметил, что от прежней горы дров, осталось лишь несколько сиротливых обрубков, остальное сгорело в прожорливом пламени печи.

Если Кишечник был городом резины, то Желудок – городом камня. Все здесь, включая дома, набережную, стены, потолки, приборы и даже некоторые элементы костюма местных жителей, которых звали glandulocites, было высечено из темной гранитной породы.

Обилие народа не смутило Инсулина: рабочие всегда толпились в ожидании долгожданной дневной порции, но его удивило другое – клетки. Сделанные из камня, как и все вокруг, они стояли сплошными рядами по правой стороне прибрежной площади. Освещение, и без того тусклое, почти не проникало между прутьями решеток, но коротышка готов был поклясться, что видел ярко-горящие глаза, пристально смотрящие в его сторону. Когда пароход подошел вплотную, то Инсулин услышал крики, наполненные болью и яростью, а также громкие команды солдат, которых он вначале не приметил на фоне серого камня.

– Ваши документы! – требовательно произнес мускулистый вояка, едва только Инсулин ступил с трапа корабля на твердую каменную землю.

– Но я всего лишь принес еду, – пролепетал мужичок.

Происходящее ему совсем не нравилось.

– По распоряжению из Мозга город находится в карантине. Поэтому каждый, кто прибывает в Желудок, должен быть учтен в реестре, – объяснил солдат. Это был макрофаг, как догадался по его внешнему виду Инсулин: огромный с широченными плечами, которые едва втискивались в его футболку цвета хаки.

– А можно узнать, почему объявили карантин? – осведомился Инсулин.

– Документы! Живо! – заорал солдат, наклонив массивную, как у носорога шею, почти к самому лицу коротышки.

– Дас, да конечно.. Сейчас найдус.., – промямлил Инсулин, шаря толстыми пальцами в карманах пиджака. Из кучи бумаг он нашел нужные и протянул их солдату. Тот, быстро пробежавшись по ним глазами, всучил их обратно Инсулину и рявкнул:

– Идите за мной! Вам разрешено находиться здесь не более получаса!

– Но за полчаса я ничего не успею, – попробовал пикнуть Инсулин.

– Молчать! – рявкнул солдат.

Инсулин удивился, когда солдат остановился примерно на том же самом месте, где Инсулин обычно зачитывал нормативы приема пищи на сегодняшний день. Зачем этот громила провожал его? Но задать вопрос Инсулин не решился. Мимо них прошествовала группа нейтрофилов – более юрких, но менее массивных солдат. От отряда отделился офицер в белой военной форме с позолоченными пуговицами и неспешной походкой подошел к Инсулину и его громкому проводнику. Это был Т-лимфоцит из подразделения Приобретенного иммунитета. «Раз командование тоже здесь, то в Желудке случилось нечто ужасное», – промелькнуло в голове у Инсулина.

– Что это за птицу ты привел, Раф? – насмешливо разглядывая Инсулина, спросил офицер.

– Разносчик еды, сэр, – голосом, начисто лишенным эмоций, ответил солдат. «Разносчик еды?! Да как он посмел заявить такое?!» – Инсулин чуть не поперхнулся от негодования.

– Позвольте спросить, что здесь происходит? – все еще кипит от обиды, спросил Инсулин.

– Обернись и ты все увидишь, – ответил офицер.

Мысли в голове коротышки заглушили внешние страшные звуки, которые доносились с правой стороны площади. Сейчас, несмотря на царящий там полумрак, Инсулин смог разглядеть, что находилось в клетках – люди, полуголые, в жалких лохмотьях, их согнали большими группами вместе, запихнув в тесные квадратные камеры.

Инсулин уже хотел было выразить свое негодование по поводу такого жестокого обращения, но, присмотревшись внимательнее, он осознал, что несчастные пленники гораздо меньше походили на людей, чем ему показалось ранее. Они вели себя как дикие взбесившиеся звери,

пойманные охотником. Со страшными животными криками страха и ярости некоторые из них в остервенении бросались на каменную ограду и принимались неистово грызть гранит, пока боль не давала о себе знать, и тогда они, вереща, отпрыгивали назад. Их одежда была изорвана, ногти отросли и заострились, напоминая когти хищных птиц, волосы немывыми патлами спадали на плечи. В их глазах не осталось ничего человеческого, они горели бешенством и каким-то странным звериным азартом. Клетки были оцеплены плотным кольцом солдат. Когда кто-нибудь из пленников подходил слишком близко к решетке, пытаясь просунуть когтистую руку, то тут же получал болезненный разряд электрошокера и, завывая, бросался вглубь темницы.

– Божес с мой неужелис этос..., – Инсулин покрылся крупными мурашками и задрожал. На его памяти такое случалось только однажды: в Печени, когда Инсулин еще был маленьким Инсуленьшем и слабо понимал, что к чему.

– Да, да, это раковые зомби. Со вчерашнего вечера в Головной мозг поступил сигнал тревоги по коду ноль ноль три, и вот уже сутки здесь карантин. Мы успели остановить опухолевую заразу как раз вовремя, зомби грозили метастазировать в другие населенные пункты, – ответил офицер.

Инсулин снова вздрогнул, представив, что эти разъяренные кровожадные существа, в которых не осталось ничего людского врываются в Поджелудочную железу, а ведь она совсем рядом, что следует из названия! Убивают его коллегу – Глюкагона, а затем, сметая все на своем пути, прорываются в его покои. Коротышка сжался от страха: в ближайшей от него клетке одичавшее полуголое существо, улыбаясь, манило Инсулина к себе грязным отросшим ногтем.

– У тебя тридцать минут на раздачу провизии, я же сказал! – вернул его к действительности приказной голос офицера. – Шевели булками!

Инсулин встал на большой валун с плоской вершиной, достал один из своих многочисленных листков бумаги, сложенных в кармане пиджака, и, прокашлявшись, произнес:

– Прошус минуточкус внимания! Я понимаю, как сложнос вамс сейчас, но давайтес получимс своюс еду и радостнос ее съедимс! – его лицо озарилось широкой липовой улыбкой, которую он всегда берег для подобных случаев.

Здоровые рабочие, собравшиеся небольшими группами несколько минут назад, молчаливо ждали, с неприязнью и страхом поглядывая в правую сторону, где на них скалились их земляки, полностью утратившие свой облик.

– Итакс, сегодня на обедс у вас: макаронис по флотскис – стос пятьдесятс граммс, огуречный супс с фрикаделькамис – сто граммс и минеральнаяс водас с повышеннымс содержаниемс кальцияс – семьдесятс граммс, —с этими словами Инсулин достал новый листок, еще более мятый чем прежний. – А сейчас я с вашегос позволенияс будус зачитыватьс фамилиис, а вы подходитес ко мне по одномус и забирайтес своюс порциюс.

Из корабля показались здоровяки, они несли крупные тяжелые ящики, груженные едой. После нескольких заходов у валуна высилась небольшая гора ящиков, а грузчики, казалось, даже не вспотели. Инсулин достал третий листок бумаги, куда отмечал рабочих, получивших еду и питье. Повадки всех рабочих были похожи: они резко выхватывали ручку из пальцев Инсулина, ставили неразборчивую закорючку напротив своего пропечатанного имени и, схватив свои контейнеры, быстро уходили, не сказав ни единого слова. Очередь уже подходила к концу, когда Инсулин ощутил, что кто-то схватил его за руку. Коротышка поднял глаза и увидел перед собой пару зеленых глаз, недружелюбно выглядывающих из-под кустистых бровей и взлохмаченную коричневую бороду, словно вышитую из шкуры бурого медведя.

– Пойдем со мной, – прохрипел рабочий. Заметив, что грузчики-исполины сделали шаг вперед, он более миролюбиво произнес:

– Я всего лишь покажу кое-что и отпущу вашего босса.

– Но кудас, – пискнул Инсулин, уносимый рабочим, словно груженный мешок картошки.

Его черные лакированные туфли запылились, также как и сюртук, а малиновый галстук стал грязно-розовым. Инсулин мечтал, наконец, очутиться дома, отправить в чистку грязную одежду и обувь и надеть все чистое и свежее.

Рабочий с Инсулином свернули в одну из ближайших пещер, примыкавших к порту со стороны противоположной от клеток. Они шли почти в полной темноте, если не считать тусклого тления лучины, которую держал рабочий перед собой. Внезапно резко посветлело, и они оказались в громадной нише размером с кафедральный собор, но в отличие от него не имевшей полноценной крыши: крыша сужалась в центре в трубу, которая уходила наверх. «Пищеводс», – догадался Инсулин. В нише собралось несколько десятков рабочих, которые явно не слышали звонка на обед или им было не до этого. Сверху с громким «БУМ» грохнулась гигантская плита шоколада, едва не придавив ногу одному из них. Двое других синхронно подскочили с разных сторон с тяжелыми ведрами и с шумом вылили на плиту разъедающий желудочный сок. Раздался свист от исходящего пара и плита стала таять, она раскололась на несколько крупных кусков, которые рабочие скидывали на конвейерную ленту. По ленте куски шоколада подошли к другому рабочему, который кромсал их тяжелым тесаком на еще более мелкие части, а затем к следующему, пока плитка не превратилась в мелко порубленную кашицу. Эта смесь по конвейеру скидывалась в желоба, откуда, как догадался Инсулин, еда уходила в Кишечник.

– Сюда из Пищевода поступает вся еда, которую ты развозишь по Империи Организма, – сказал бородач. – Все было нормально, пока не началась эта чертова эпидемия.

Сверху раздался шелест трущихся друг о друга канатов, Инсулин задрал голову и успел отскочить как раз вовремя: секундой после на его прежнем месте с громким «ШМЯК» приземлилась закрученная макаронина, по размерам не уступающая пожарному шлангу. Операция повторилась: макаронину залили желудочным соком, затем скинули на конвейер, а дальше пошло-поехало: задний конец макаронины зацепился за ногу рабочему и тот грохнулся на каменный пол, выронив тесак, да так, что опасный предмет едва не убил одного из двух его коллег, заливающих поступающую еду желудочным соком. В итоге макаронина почти без повреждений добралась до желоба и юркнула внутрь, а из пищевода уже сыпались фри-кадельки-булжники, рабочие не успевали за ними: мясные шары, словно нарочно, падали на конвейерную ленту и убегали в желоба в своем первоначальном виде.

– Мы ни черта не успеваем, раньше в нашем цеху работало в три раза больше людей, а сейчас – одна треть превратилась в вонючих зомби, а другая – убита этими тварями. Что нам остается делать? Передай в Мозг, чтоб они разобрались с этой хренью. Мы не справляемся с работой, – подвел итог бородач. – Вчера двух рабочих придавило сосиской, будь рядом страхующий – такого бы не случилось.

– А в чем они вымазаны? – спросил Инсулин, заметив лоснящийся блеск на спинах и руках рабочих.

– Это жир, он поступает вместе с нормальной едой из Внешнего мира. И его просто дохрена, как и сахара. Вопрос: «зачем нам столько этого дерьма?» остается открытым. В Кишечнике едва используется сотая часть при упаковке порций.

– Ты забыл упомянуть пиво! – заметил рабочий, одновременно кромсая массивный кусок банана.

– Вот и оно, прячась под камни! – закричал его товарищ и первым бросился в укрытие.

Инсулин задрал голову вверх: из пищевода, угрожающе урча, несся бешеный поток темной жидкости. Гул нарастал. Рабочие быстро сориентировались и юрко попрятались в узких неприметных расщелинах в скалистых стенах. Инсулин остался один на один со стихией, он едва успел схватиться за твердый уступ, как почувствовал, что огромная волна захлестнула его сзади и с силой ударила о каменный пол, словно он был не упитанным человеком, а прибрежным камешком. Брыкаясь руками и ногами, он вынырнул на поверхность. Выплюнув

горькую жидкость, он с наслаждением сделал жадный глоток долгожданного воздуха и встал на ноги. Уровень пива начал снижаться, поток сделал еще несколько кружащих оборотов внутри пещеры и подобно смывной воде в унитазе юркнул в сточный желоб.

Рабочие, заметив, что опасность миновала, абсолютно сухие спустились из укрытий в нижний ярус пещеры, на полу которой все еще поблескивали темные лужицы ядерного напитка. Инсулин с завистью оглядел рабочих. Сам он, мокрый и жалкий, дрожал от холода и омерзения, его костюм насквозь пропитался пивом. И зачем это чертово пиво только подают из Внешнего мира, если оно не усваивается? Инсулину еще ни разу не доводилось видеть в меню обедов такой напиток как пиво. Внезапно раздался пронзительный звонок, он не смолкал ни на секунду. Рабочие, переглянувшись, очевидно пришли к единогласному мнению.

– Что-то случилось наверху, – заметил бородач. – Пошли, посмотрим.

– И не забудь выдать нам еду! – добавил он, поймав Инсулина своими цепкими зелеными глазами. – А то спустим прямо в Кишечник, а они оттуда – прямо клоаку.

Сопровождаемый гогогом рабочих, униженный и промокший, Инсулин двинулся следом за ними. Определенно, это был худший день в его жизни. Но когда он очутился на открытом воздухе, то осознал, что все неприятности еще впереди. Его красивый белоснежный корабль был изуродован: на правом боку виднелась глубокая вмятина от сильного удара. И Инсулин не сомневался, что всему виной был другой корабль: огромный и черный, как сама ночь, по сравнению с которым его судно казалось рыбацкой лодкой. Сейчас черный гигант, потеснив белое судно, занял центральное место на пристани.

– Ну и что за хрень здесь творится? – не преминул спросить бородач. Инсулин заметил, что на пристани столпилось несколько белых офицеров и они о чем-то оживленно спорили с прибывшими военными, только военными ли? По спине коротышки пробежал холодок: незнакомцы были одеты во все черное, а из-под масок на лицах были видны лишь глаза: неподвижные и жестокие. И тут Инсулин осознал, кто это – Т-киллеры! Палачи Империи Организма, они выполняли самую грязную и мерзкую работу в Империи – убивали коренных жителей. Именно они выслались на подавление аутоиммунных восстаний и уничтожение раковых зомби. Они убивали людей, пораженных вирусом. Они не щадили ни стариков, ни детей. Вид крови доставлял им несравненное удовольствие. Остальные солдаты презирали их, но Т-киллеров это отнюдь не смущало.

Инсулин подошел вплотную к уже знакомому ему офицеру и здоровенному палачу, который был выше того на целую голову. Инсулин прислушался, разговор явно шел на повышенных тонах.

– Я не собираюсь препираться с тобой, Гринд! Без приказа из Мозга я не уполномочен пускать твоих парней для совершения операции! Так что, пока я здесь главный, то приказываю тебе возвращаться в штаб!

На Гринда слова Т-лимфоцита похоже не возымели никакого эффекта, он наклонился вперед, так, что его глаза оказались на одном уровне с глазами офицера, и произнес ледяным тоном:

– У нас есть приказ из Мозга. Кроме того непосредственную операцию будем выполнять не мы, а Внешний патруль.

– Какой еще к черту Внешний патруль?! – рассвирепел белый офицер. – Мы сможем справиться и своими силами. Вспомни раковое помешательство в Печени! Да мы там за неделю управились.

– Сейчас же это будет еще быстрее.

– Ладно, показывай свой приказ.

Палач подозвал еще одного Т-киллера и тот развернул перед самым носом белого офицера, словно бы в насмешку, свернутый в трубку лист бумаги. Т-лимфоцит вздохнул, но ничего поделать не мог: снизу отчетливо стояло темно-синяя печать из канцелярии Гиппокампа.

– Приказ всем подразделениям – отойдите от решетки! – заорал в рупорбелый офицер. – Наши полномочия на этой территории сняты! Освободите место для операции Т-киллеров!

Солдаты и младшие офицеры с явно выраженным недовольством на хмурых лицах снимались с постов. Зомби, воодушевленные этим обстоятельством с остервенением ринулись на каменную решетку, кроша об нее зубную эмаль и ломая ногти. Палачи стояли не шелохнувшись, скрестив руки на груди, их было от силы человек сорок-пятьдесят, но они нисколько не смущались взглядов, наполненных ненавистью, которые исходили, как от солдат, так и от жителей Желудка, которые не без интереса наблюдали за происходящим на небольшом отдалении.

– Вызывай химиопрепараты, – приказал главный палач своему помощнику. Стальной люк в палубе черного корабля, протяжно заскрипев, отворился. На палубу сначала высунулась стальная рука, а затем показался и ее обладатель – монстр в человеческом облике. Это был робот, который походил на уродливую копию человеческого скелета, часть стальных костей проржавела и оставляла за собой рыжий налет. В руках скелет держал оружие – короткую трубу, дуло которого было размером с волейбольный мяч. Робот резким прыжком оказался на берегу, следом в темном палубном отверстии показалась новая металлическая голова, второй робот последовал за первым, идентично повторяя его движения. Следующие химиопрепараты один за другим также синхронно выпрыгнули на берег.

– Экипаж внешнего патруля «Редуксинорин» приветствует вас, – заявил один из роботов таким же металлическим голосом, как и он сам. – Наименование операции: «Ликвидация опухолевых образований в Желудке». Планируемое время начала операции: 14:28, планируемое время окончания операции: 15:56.

«Как все точно и четко, – подумал Инсулин. – Не то, что наши вояки, только орать могут».

– Вероятность ошибки сорок восемь процентов, – продолжил робот.

– Чтос за верояностьс ошибкис? – невольно вырвалось у Инсулина, но судя по напряженным лицам вокруг, озадачен был не только он один.

– Уберите этих роботов с нашей земли! – закричал бородач. – Мы сами справимся!

– Да как же это вы справитесь? – ехидно осведомился один из палачей. – Эти безумцы сожрали уже четверть ваших земляков. Очередь за вами.

Роботы, не обращая никакого внимания на разговоры, направили пушки на клетки с безумцами. Белый офицер нахмурился, происходящее нравилось ему все меньше, макрофаги, стоящие рядом нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Честно сказать, им уже надоело нести этот долгий караул, гораздо привычнее для них было бы сразиться со смертельно-опасной сибирской язвой или же гигантским монстром – дизентерийной амебой.

Зомби же остервенели еще сильнее, они в ярости искусывали каменные прутья, которые уже обгагрились кровью. Видно, они чувствовали приближение смерти и не хотели расставаться с жизнью.

Из первого орудия выскочила ярко-зеленая мощная струя и ударила по первой решетке: зомби завизжали – дико и громко: едкая жидкость разъедала тело до костей, оставляя лишь обугленные останки, от которых в воздух поднимался зеленоватый дым. Вой отчаяния и страха прокатился по рядам клеток, оставшиеся в живых безумцы сбивались в тесные кучи в дальних углах темниц, но смертоносная жидкость достигала их из самых дальних углов. Роботы работали точно. До сих пор точно... Один из роботов посмотрел на скалистую возвышенность, где находились рабочие, он думал всего секунду, а затем нажал пуск на своей пушке.

– Да что ты делаешь, дерьма кусок! – завопил бородач, стоящий совсем рядом с Инсулином. Но продолжить он не успел – в следующее мгновение от его бороды исходил едкий дым, а вместо лица зияла жуткая дыра, сквозь которую были видны своды пещеры. Рабочие опомнились быстро: без лишних криков они бросились врассыпную, прячась в известных только им

скалистых расщелинах. Роботы перестали стрелять по решеткам, они повернулись в сторону скал, также синхронно, как они делали остальные движения.

– Новая цель идентифицирована, – беспристрастным голосом заявил главарь роботов и первым открыл огонь, остальные последовали его примеру.

– Остановитесь немедленно! Это мирные жители! Это мирные жители, черт возьми!!! – белый офицер с рупором чуть не захлебнулся от собственного крика.

Т-киллеры безучастно и даже с насмешкой наблюдали за «досадной ошибкой» внешнего патруля, макрофаги и моноциты тут же засуетились исполняя приказы белых офицеров. Раздалась стрельба, воздух наполнился пулями, которые градом посыпались на нерадивых роботов. Инсулин понял, что с него хватит и, быстро перебегая с место на место, под шум завязавшейся битвы, никем не замеченный, юркнул на свой корабль. Предъявлять претензии по поводу погнутой боковины сейчас бессмысленно – главное убраться из этого пекла живым.

– Заводис двигательс быстрееес! – завопил он, завидев на рубке неподвижную фигуру гигантского грузчика. Рабочий день сегодня и впрямь не заладился.

Глава 4. На заводе «Раунд»

Его раскусили: вся доза, которую он собрал, исчезла. Подросток взвыл, от бессилия заскрежетав зубами. Но они поплатятся за это, обязательно поплатятся! Он услышал звук поворачиваемого ключа в двери и напрягся, должно быть пришли они. Подросток привык считать их своими слугами, с ними было удобно: они готовили ему обед, стирали одежду, снабжали деньгами, которые он обменивал на наркоту. Но, кажется, они больше не слушают его. Он прислушался, так и есть: из коридора донеслась тяжелая поступь ботинок отца и легкая – материнских туфель. Они пришли с работы или вернулись с концерта, их жизнь его больше не волновала, до сегодняшнего момента...

«По крайней мере, про тайники они не знали», – с облегчением подумал подросток, нащупав под слоем матраса тяжелую рукоять пистолета. Стрелять он умел, его научили «друзья». Продавцы «счастья» могут обдурить, могут кинуть или даже убить, поэтому с ними надо быть всегда начеку.

Подросток медленно вошел в гостиную: здесь горела лампа и светился телевизор, отец стоял у своего любимого книжного шкафа, протирая запывившийся бокал, а мать сидела в кресле, она уже сняла туфли, давая ногам отдохнуть. Он направил пистолет на отца: умиротворенно-спокойное лицо того сразу побледнело, и он выронил бокал из рук – легкий звон стекла и никто больше не шелохнулся.

– Сынок, не делай это, прошу! Давай лучше поговорим! – воскликнул отец, миролюбиво скидывая руки.

– Где мой ГАШ?! – отчетливо произнес подросток, не опуская ствол.

– Сынок, ты же губишь себя! Ты этого не понимаешь, но это так! Поверь нам! – раздался всхлипывающий голос матери.

Подросток развернул руку и выстрелил – раздался грохот, и тело матери обмякло в кресло, отец закричал – дико и страшно, но сын остановил его вторым выстрелом – труп номер два. Он знал, что они бы ни за что не отдали дозу, а еще стали бы мешать ему жить. Это был конец его вольготному существованию, поэтому пришлось устранить их. Но пора сматываться: слух у него был отличный: вдалеке завизжала сирена полицейской машины, она приближалась. Внезапно резкий и сильный звон разорвал мозг, нет, это уже не сирена! Звон не прекращался!

Адам вскочил с постели, обрывисто дыша. Все его тело покрывал холодный пот. Звонил будильник. Кинув быстрый взгляд на него – 5:30 утра, Адам вскочил с постели, даже не позаботившись его выключить. Один и тот же сон на протяжении двенадцати лет неустанно преследовал его. Адам не сомневался, что это кара господня за ужасный грех, совершенный в ту роковую ночь. Он нашел в своем сердце место для Бога, но призраки прошлого не отпускали его.

Адам выпил стакан воды, налитой из-под крана, и, откусывая маленькими кусочками, съел загрубевшую корку черного хлеба, лежащего на кухонном столе. Его дом находился в муниципальном районе номер три и со времен большого пожара, случившегося несколько лет назад, так и не перестраивался. Неопровержимым доказательством тому служили обугленные до черноты стены, которых не спасали даже плотные слои обоев. Квартира Адама имели аскетичный вид: минимум мебели и его собственных вещей.

Адам, встав в дальнем углу комнаты, совершал утреннюю молитву – ежедневный ритуал, который он ни разу не пропускал. Но сегодня Адам молился дольше обычного: он просил Бога спасти его друга Адама, который сейчас находился в больнице в тяжелом состоянии.

Когда Адам вышел из дома, то ночная чернота уже сменилась утренней серостью. Однотипные жилые коробки мрачными квадратами окон угрюмо смотрели на одинокого странника, бредущего к покосившейся автобусной остановке. На страннике были надеты холщовые штаны

и рубашка, изорванная в нескольких местах. Его ноги были босы, а подошвы покрывали раздувшиеся мозоли, которые, едва зажив ночью, снова начали кровоточить, оставляя на асфальте кровавый след.

«Чиф, чиф, чиф», – раздался сверху щебечущий голосок. Адам вскинул голову и к своему удивлению увидел прямо над собой маленькую желтую птичку, которая уселась на ветку облезлого дерева и с не меньшим любопытством рассматривала человека. Адам ни разу не видел в городе животных, включая птиц, если, конечно, не считать пары бродячих собак, болевших бешенством.

– Ну и долго ты будешь стоять так, уставившись на дерево, как полный кретин? – задал нетривиальный вопрос водитель автобуса, старый седой негр, страдающий от утреннего похмелья. – Залезай внутрь или проваливай нахрен отсюда.

Адам бросил последний взгляд на птичку и помахал ей рукой, этот короткий момент грел ему душу весь оставшийся день. Он успел вскочить на подножку, как автобус, зафырчав, тронулся с места. Они ехали ужасно медленно, считая по пути каждую кочку, каждую канаву, что сопровождалось руганью водителя. Автобус был полон сонными и злыми пассажирами, каждый из которых ехал на ненавистную ему работу, погруженный в мрачные думы о предстоящем дне. А в душе Адама теплилась радость, незваная птичка до сих пор была с ним.

– Завод «Раунд», – объявил водитель. – Выходим быстро и не буяним, а то я вас знаю, сволочи!

Первым на землю вспрыгнул Адам, острые куски разбитого стекла, валявшиеся на тротуаре, больно врезались в ногу, но он закрыл глаза и призвал Бога. Бог был с ним, и значит он в безопасности.

– Счастливого вам дня! – пожелал на прощание Адам водителю.

– Проваливай давай, хиппи хренов! – ответил негр и, с силой дернув рычаг, тронулся с места. На обочине было еще несколько рабочих, трое из них шагали неуверенной походкой вечного пьяницы, а четвертый, склонившись на четвереньки, поливал мостовую производными вчерашнего ужина. Адам оглянулся вокруг: высокую монолитную бетонную стену завода «Раунд» окружал пустырь, единственными постройками которого были помойка, доверху заваленная строительным мусором и бар «Большой стакан», где вчера возник нешуточный конфликт. Рик и Кил работали на заводе задолго до прихода Адама, и пока тот никак не мог повлиять на ситуацию. Ему оставалось только молиться, что он усердно делал. Подойдя к ржавым стальным воротам, на которых большими буквами было пропечатано название завода, Адам с силой потянул за подвесной колокол – раздался монотонный звон. Изнутри распахнулась незаметно проделанная калитка, и Адам нос к носу столкнулся со Стервятником. Лицо того было безучастно, как камень. Стервятник внимательно осмотрел Адама с ног до головы, а затем кивнул лысой головой, пропуская внутрь.

– Ну, с Богом, – молвил Адам и ступил на территорию завода. На часах пробило пять пятьдесят семь. Утренняя смена должна была начаться ровно через три минуты.

Адам вошел в длинное помещение с высоким потолком и огромными грязными окнами, любой даже самый тихий шепот здесь отдавался громогласным эхом. Адам прислушался: где-то вдалеке тикал конвейер – значит, линию уже запустили, и новая проштампованная партия шин готова к выпуску.

– Эй, Иисус, как дела? – раздался насмешливый голос справа от него. – Успел помолиться своему Богу? – Один из подпевал Кила, Адам и не помнил, как его зовут. Но это было не важно, рабочие сонные и злые окружали его и они хотели поднять себе настроение. Повеселиться – путем травли.

– Кстати где твой дружок, Рик Бучер? – заметил другой задавала. – У вас уже был секс?

Громогласный гогот разнесся по терминалу. Рабочие окружили его плотным кольцом немых тел и запахом перегара. Еще тлеющий окурок попал ему в грудь, оставив на рубашке неровную круглую дырку.

– Я знаю, где его дружок, – раздался позади хриплый бас. Расталкивая других рабочих, вперед вышел громила Кил, сопровождаемый компанией своих мускулистых, но безмозглых приятелей: Эндрю, Биллом и Кроном. – Скоро он отправится прямиком на небеса, а сейчас ссыт и срет под себя в больничке.

Новый взрыв хохота, Адам не моргнув и глазом, он спокойно смотрел своему обидчику прямо в глаза.

– Помолись за спасение своей души, и Господь примет тебя, ты будешь спасен, – сказал Адам.

– Но сейчас спастись нужно тебе, – ухмыляющаяся харя возникла перед самым носом Адама, а затем резкий и мощный удар громадного кулака свалил его на пол.

Боль была такой сильной, что Адам зажмурил глаза, но не произнес ни звука. Кил ударил снова, на этот раз по лицу, Адам ощутил теплый привкус капель крови, стекающих с кожи. Кровь залила ему левый глаз, но он не закрыл его снова – враг стоял прямо перед ним. Адам поднялся, ноги слушались его с трудом. Сокрушительный удар в шею – Адам отлетел на несколько метров, на этот раз колени тряслись сильнее, но он снова поднялся, ощущая ноющую боль во всем теле.

«Почему этот чертов „кролик“ не сдается?!» – мелькнуло в голове у Кила. Он наносил удары без всякого видимого усилия, он даже не вспотел. Но железное упорство Адама не сдаваться жутко взбесило Кила, любой другой на его месте уже валялся бы у его ног, умоляя прекратить бойню, но этот долбаный хипстер похоже ничего не чувствует!

Поначалу избиение Адама сопровождалось злорадным смехом со стороны присутствующих, но сейчас, увидев перекошенное от ярости лицо Кила, многих охватило беспокойство: как бы не случилось чего. Все помнили случай с братом Кила – Робом, драки драками, но надо и меру знать.

Кил замахнулся для нового удара, но голос, от которого задрезжали окна, заставил его остановиться: «ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?!»

Со стороны центрального входа к ним шел босс. Он не был разозлен или огорчен, напротив: его лицо сияло, как ярко-отполированная сковорода.

– БЫСТРО ЗА РАБОТУ, КОМУ СКАЗАЛ! – добавил он масла в огонь. Рабочих, как ветром сдуло. Через минуту зажегся яркий свет, а станки монотонно загудели каждый на свой лад. Не убежал только Адам, он, с трудом стоя на ногах, едва мог пошевелиться. Босс приблизился к нему вплотную и внимательно осмотрел, за запотевшими стеклами очков его глазки казались крохотными бусинками. В нос Адаму ударила смесь пота, раскаленной резины и машинного масла.

– Передай своему другу, что он будет уволен, если через трое суток не явится на работу, – четко разделяя слова, произнес босс, так, чтобы его слышал только Адам. Когда было нужно, босс мог говорить тихо.

– На все воля божья, – спокойно ответил Адам. Босс бросил в его сторону презрительный взгляд и холодно ответил:

– На свое рабочее место!

Онемевшими дрожащими руками Адам запустил сборный барабан, тот начал раскручиваться постепенно набирая обороты. По конвейеру шла первая партия для сборки: длинные пласты резиновой материи, еще горячие после выплавки. Первым должен быть каркас, это он помнил, ровно два слоя. Он начал просматривать груз с конвейерной ленты, перебирая слои руками. Найдя нужный, он с трудом вытащил его и наложил на полотно барабана. Барабан сделал один виток и резко остановился, каркас закрепился на нем в форме кольца. Еще второй

слоем, мышцы жгло огнем, когда он доставал второй слой каркаса и накладывал его на барабан. Но это еще цветочки, каркас сделан из прорезиненных нитей и не настолько тяжелый, как следующий слой – стальной брекер, покрытый мощным резиновым тяжем. Когда Адам нес брекер к барабану, ноги его дрожали, он молился Господу, чтобы они не подвели его.

– Поживей, давай! Вторая партия на подходе! – раздался сверху зычный голос бригадира и Адам не сомневался, что обращается тот именно к нему.

Надо было спешить, иначе слои окончательно перемешаются между собой так, что невозможно будет собрать шину. За первым слоем брекера последовал второй, затем нейлоновый бондаж, протектор и боковины. Шина почти была готова, после наложения последнего слоя она вздулась и приобрела типичный для покрышки вид.

– Про бортовые кольца не забудь!

Адам вовремя поднял голову, благодаря чему избежал участи быть разрезанным стальными кольцами, которые пролетели в нескольких сантиметрах от него, ударившись о бетонный пол. Первая оплошность: он позабыл надеть перчатки. Бортовые кольца на заводе «Раунд» были изготовлены из особо острой режущей стали, такой же, которая применялась для изготовления ножей марки «Спенсер». Резкая боль пронзила обе ладони и на гладкой стальной поверхности проступили красные ручейки.

– Дебил криворукий, их же теперь надо очищать! – заорал сверху бригадир. – Обмотай свои культи чем-нибудь и снова за работу!

Адам разорвал рубашку и затянул две тканевые полоски на глубокие кровоточащие порезы. Заменяв боковые кольца, он покатил шину в цех вулканизации. Оставалось ровно тридцать секунд до прибытия второй партии материалов из химического цеха. Адам не хотел идти в цех вулканизации не только потому, что там было невыносимо душно, но и потому, что главным здесь был Кил. С ярко-красным распаренным лицом тот походил на дьявола, и, принимая здоровенную толстую шину, которую он с легкостью взвалил на плечи, Кил произнес со злорадной усмешкой:

– Мы еще не закончили нашу игру.

Гул барабана, ругань рабочих, скрип резины и едкие комментарии Кила слились в голове Адама в один монотонный шум. Так жужжит потревоженный улей, но не разъяренный, а еще сонный, не пришедший в себя. Адам понимал, что без Рика продержаться всю смену ему будет безумно тяжело, и когда резкий, разрывающий уши звонок и перерыв прокатился по производственной зоне, Адам обессиленный рухнул на пол.

Тем временем на седьмом этаже главного заводского корпуса в своем кабинете босс принимал Стервятника. Та информация, которую он только что услышал, могла помочь в реализации его главной цели.

Выдохнув клубящееся облако табачного дыма, босс посмотрел в окно на расстилающийся перед ним город, он был так близко, но в то же время далеко. Он проиграл этому сопляку на выборах всего пять голосов, но мальчишка сам дает ему шанс, грех этим не воспользоваться.

– Мистер заноза в заднице очень умен, но сейчас он прокололся, – произнес босс, выкуривая очередную сигарету.

Отодвинув ящик стола, он достал оттуда небольшую хрустящую пачку мятых купюр. Стервятник подошел поближе, на его беспристрастном лице зажегся огонек алчности.

– Получишь еще столько же, если.., – и тут босс снизил голос до шепота, так, что его было способно расслышать только чуткое ухо привратника.

Глава 5. Посетители

«Сранные препараты!» – слова вырвались из глотки вместе с потоком непереваренного завтрака. Рик Бучер склонился еще ниже над унитазом. Кормили здесь отвратно: ни любимых бургеров, начиненных плавленым сыром и жирной пережаренной котлетой, ни нежных пирожных с клубничным джемом. Но вот незадача: всего этого объедения сейчас хотелось меньше всего! Желудок словно поднял восстание и при первых же мыслях о «нормальной» пище Рика снова вырвало. Облокотившись на крышку унитаза, он с трудом поднялся на ноги. Слабость сковало все тело, двигаться приходилось медленно, чтобы не упасть. Он посмотрел на себя в мутное, покрытое разводами зеркало: он облысел – тотально, выпали не только волосы, но и брови и ресницы. Но внешность беспокоила сейчас Рика меньше всего. Нужно было узнать, сколько он уже здесь торчит: страховка не будет действовать вечно, а платить из своего пустого кармана Рик ох как не хотелось. А еще гребанная работа – его же уволят, если еще этого не сделали!

– К вам посетитель, мистер Бучер, – раздался голос медсестры позади него. «Неужели Линда?» – мелькнула быстрая мысль у него в голове, он не видел девушку уже несколько дней. Вероятно, ее оттолкнула его грубость, но он же не виноват: он не умеет общаться по-другому! Рик нравилась красивые женщины, в то время как он не нравился им, вынужденный время от времени ловить небезопасный секс в логове ночных бабочек. Однако Линда произвела на него впечатление не только желанной добычи, но и женщины, с которой ему хотелось быть рядом. Уж не влюбленность ли это?

Краем глаза он быстро осмотрел вошедшую – нет не Линда, это была другая медсестра, толстая и с двумя прыщами. Тут же резкая боль пронзила правый висок, отчего Рик чуть не завопил. Вот уже который раз! Мигрень не собиралась отпускать его ни на час!

– Пусть проваливает! – выдавил из себя Рик.

– Но это ваш друг, Адам, – медсестра нервничала, отчего запиналась, но главную мысль она донесла четко.

– Я сейчас выйду, – пробурчал Рик. Счастливая медсестра поспешно ретировалась, насколько это было возможно.

Адам молча стоял в дверном проеме. Как только он увидел Рика, его лицо озарила широкая улыбка. Они обнялись.

– Ну хватит, хватит, – дружелюбно пробурчал Рик, вылезая из объятий друга. – Заходи что ли.

Они сели на застиранную до дыр, но все равно невероятно грязную простынь Рика.

– У меня гребанный рак желудка. Третья степень, – начал Рик. – Меня лечат, только это лечение еще раньше в могилу сведет.

– Я молился за твое здоровье вчера вечером, Рик. А сейчас твое здоровье в руках врачей через которых управляет Господь, современная медицина спасет тебя. Но спасать надо не только тело, но и душу. Я принес тебе эту книгу, – Адам достал потрепанную книжку в невзрачном переплете. Всего одно слово на корке: «БИБЛИЯ». – Прими Господа в сердце своем, друг мой, и ты будешь спасен.

Адам лишь мельком пробежался взглядом по корке и отложил книгу на прикроватную тумбу.

– Принес бы лучше бутылочку темного. Выпивку здесь спокойно можно принести, сам видел, как старуха таскает наливайку своему мужу в соседней палате. Здесь всем насрать: бухаешь ты или нет.

– Рик, ты опять за старое. Происшедшее с тобой должно было открыть тебе глаза – тебе следует изменить свою жизнь. Ты станешь счастливее, поверь мне!

– Ладно, хватит. Расскажи лучше как дела на работе, – отмахнулся Рик, но тут он более внимательно взглянул на Адама, и сонную слабость как рукой сняло: лицо Адама представляло собой один огромный синяк.

Рик закипел:

– Чертовы ублюдки, что они с тобой сделали! Как выйду отсюда, надеру задницы Килу и его дружкам!

– В их сердцах просто нет Господа, от этого они такие злые, – голос Адама был необычно спокоен. – Они сами страдают от этого, несчастные люди.

– Эти «несчастные люди», как ты говоришь, как-то сломали мне руку ради забавы. Но ладно, хрен с ними. Босс че-нибудь спрашивал про меня?

Адам замялся, он не хотел лишний раз тревожить друга, ведь работа – это меньшее, что сейчас должно волновать Рика в его состоянии. С другой стороны, если он не скажет, то Рик может начать беспокоиться еще сильнее, а беспокойство может принести ему еще больше страданий.

– Давай, не строй из себя важную задницу! Говори прямо, только без своей фирменной туфты про бога и спасение душ!

– Он сказал, что уволит тебя, если ты не выйдешь на работу через трое суток, вернее, уже через двое.

– Жирный говнюк! – завизжал Рик. Он схватил стакан с прикроватной тумбочки и зашвырнул его об стену. Адам обхватил вырывающегося Рика, пока тот не разгромил всю палату. Он медленно усадил его обратно на кровать, шепча молитвы. Рик еще тяжело дышал, но приступ ярости уже сошел на нет. Его место заняло угрюмая отрешенность.

– Сейчас работа не должна волновать тебя, Рик. Отдыхай, в данный момент это важно для тебя, как никогда.

– Да срать мне на эту сраную работу! Просто без денег я откину копыта.

– Бог поможет тебе.

– Мне поможет бутылочка темного и толстая пачка хрустящих бумажек, а никакого бога нет.

Рик лег на кровать и отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Адам посмотрел на друга в последний раз. Любовь и жалость сдавили ему сердце, но он мог лишь молиться. Адам вышел из палаты, тихонько прикрыв дверь. К тому моменту Рик уже спал.

Во дворе медицинского центра раскинулся уютный парк, по которому расхаживали больные в сопровождении родственников или медсестер: некоторые из них опирались на ходунки и трости, другие хоть медленно, но шли самостоятельно, а третьих катили в инвалидных креслах. Адам вышел на центральную аллею и быстро зашагал к выходу, медсестры, встретившиеся ему на пути, очевидно приняли его за пациента и с сильным беспокойством на лицах провожали до самого выхода. Адам их не винил, он действительно выглядел неважно: потемневшее и опухшее от многочисленных синяков лицо, рваная и грязная одежда, босые кровоточащие ноги.

– Смотри, куда прешь! – раздался до боли знакомый голос над самым ухом. Адам поднял глаза и с неудовольствием заметил перед собой Кила. Тот, окинув Адама быстрым взглядом, удовлетворенно хмыкнул. Кил, как всегда был одет в черную поношенную кожанку, массивные руки с силой сжимали ручки инвалидного кресла, а насмешливость в глазах сменилась злобой. В инвалидном кресле сидел высокий сильно обросший человек, он низко склонился и быстро неразборчиво бормотал, его большие и когда-то мускулистые руки одрябли и мелко подрагивали. Человек смотрел в пол и словно не замечал происходящего вокруг.

– Это мой брат, – сказал Кил. – Посмотри, во что превратил его твой любовник – Бучер! Хочешь, чтобы и я тебя так отделал, а?!

Адам поспешно свернул на соседнюю аллею, сердце в его груди бешено колотилось. Наконец он остановился, с его губ слетели слова молитвы, он молился за Кила и его брата, ставшего инвалидом.

– Мистер! Простите, не знаю, как вас зовут, вы друг Рика Бучера? – женский голос окликнул его сзади. Адам обернулся: на дороге стояла Линда, она переминалась с ноги на ногу и судя по всему ей было неловко прерывать Адама от его молитвы.

– Что-то случилось? – спросил Адам с легкой тревогой.

– Нет, но я должна вам сказать важную информацию, как вы можете помочь своему другу. Пойдемте, вернемся в корпус.

Рик снова проснулся: его будила та самая прыщавая медсестра. Пациент скорчил недовольную рожу: отчасти из-за внешности медсестры, отчасти из-за прерванного сна.

– К вам новый посетитель, мистер Бучер.

– Пусть валит к черту!

Дверь широко распахнулась, и на пороге показался долговязый мужчина в коричневом мешковатом пальто, его начищенные до блеска туфли громко стучали по полу, пока он шел, в руках он держал черный саквояж. Он быстро взглянул на Рика из-под толстых очков в роговой оправе и жестом велел медсестре удалиться.

– Охереть, да вы же...

– Да, я мэр города, мистер Толбот, а вы, насколько я знаю, мистер Бучер – один из рабочих шинного завода «Раунд», – произнес мистер Толбот с улыбкой, наблюдая за растерянным выражением лица рабочего.

Мэр расстегнул саквояж и положил на прикроватную тумбочку букет цветов и коробку шоколадных конфет. Букета Рик не заметил, а при виде конфет его глаза заблестели.

– Как ваше здоровье, Рик? Не возражаете, если я буду называть вас по имени?

– Называйте хоть свиным дерьмом, – буркнул Рик, в его раскалывающейся от мигрени голове витало множество догадок, что здесь делает этот франт и на кой ляд ему сдался он, простой работяга. Устав думать, Рик спросил прямо:

– Че вам надо.

Мистер Толбот ничуть не смутился грубости и неотесанности рабочего. Он скрестил тонкие пальцы и заговорил, медленно, но четко, чтобы Рик слышал каждое слово:

– Я знаю, как тяжело приходится простым рабочим, вроде тебя, Рик. Босс нещадно эксплуатирует вас, выкачивая для себя прибыль. А рабочие вместо того, чтобы объединиться, затевают жестокие драки, как будто живут в каменном веке. Ты согласен со мной?

Рик настороженно посмотрел на мэра, он не хотел спешить с ответом. Несмотря на отсутствие образованности, Рик Бучер не был дураком, и сейчас он понимал, что этот разговор может напрямую отразиться на его дальнейшей судьбе.

– Я знаю, что согласен, – продолжил мэр, – знаю, что сотворили с тобой так называемые коллеги, из-за чего ты и оказался здесь, на больничной койке. Будешь и дальше молчать? Не надо молчать, Рик.

– Я сам разберусь с этими ублюдками, – наконец ответил Рик.

Мэр лишь покачал головой:

– Физическая расправа – тупа и бесполезна. Я спрошу тебя прямо: хотел бы ты, чтобы завод перешел в городское управление? В этом случае рабочие перестанут быть рабами, ваши пожелания по оплате труда, количеству рабочих часов и отпуску будут учитываться, на вас перестанут орать начальники, драки исчезнут как пережиток прошлого. На производстве будет царить хорошая атмосфера для плодотворной работы.

– Было бы неплохо. Только Босс хрен отдаст его вам. Его сраный завод – это единственное, что он любит.

– Завод у него отберут по решению столичного суда, и тут я прошу твоей помощи, Рик. Если ты хочешь, чтобы твоя жизнь изменилась, то ты должен будешь дать показания на суде против Босса, а перед этим написать на него жалобу в профсоюз. Среди рабочих будешь не только ты один, многим из вас не по нраву его политика ведения рабочего процесса.

Рик задумался, по словам мэра выходило, что грядут перемены. А перемен Рик боялся, от перемен не становилось лучше, он знал это на собственном опыте. С другой стороны, сейчас он оказался по уши в дерьме, и ничего хуже этого уже быть не может.

– Я дам тебе время подумать, – сказал мэр, он одобряюще похлопал Рика по плечу и, разжав пальцы рабочего, вложил несколько хрустящих купюр. – Это аванс. После суда получишь в два раза больше.

– Кушай шоколад, Рик, ты же его любишь, – произнес мэр напоследок и скрылся за дверью, оставив Рика в полном недоумении. А в это мгновение, свесившись с водостока, за окном промелькнула сгорбленная тень Стервятника. В левой руке он держал записывающее устройство.

Высокая фигура в белом халате и медицинской маске, скрывающей большую часть лица, медленно кралась по коридору медицинского центра. Сейчас в отделении был обед, поэтому коридор оказался совершенно пустынным. Запоздавшая медсестра быстренько засеменила в сторону обеденного зала, даже не удостоив его мимолетного взгляда.

Фигура подошла к первой двери и приложила контактную карточку к электронному замку. Раздался писк – первый барьер пройден. Еще один длинный сквозной белый коридор, в конце незнакомца ждала вторая дверь, которую он также без проблем открыл.

Третья дверь была последней, она отличалась от остальных: массивная, круглая и выпуклая с ярко-желтым знаком биологической опасности в центре. Здесь требовался пароль. Быстро нажав нужные цифры, незнакомец отпер толстую дверь и вошел внутрь. В помещении находилось несколько десятков горизонтальных и вертикальных холодильников, на каждом из которых были наклеены надписи об образцах, содержащихся внутри. Незнакомец медленно обходил каждый из них, внимательно вглядываясь в надписи. Через пару проходов он нашел то, что искал и открыл дверь. Тут же изнутри вырвался ледяной пар. Человек пригнулся и принялся шарить руками, обернутыми в толстые резиновые перчатки, по полкам с замороженными образцами. Найдя искомую пробирку, он крепко сжал ее в кулаке, чувствуя, как ледяная хватка сковывает кожу. Нужно было чуть-чуть подождать, пока образец растает. Достав шприц, фигура с легким смешком вонзила его в еще вязкую жидкость, которая медленно потекла наверх. Кубика будет более чем достаточно.

Бучер находился в восемнадцатой палате, незнакомец помнил это. Он бесшумно вошел внутрь, еще несколько шагов и вот он перед спящим пациентом. Тот облысел, похудел и вообще выглядел неважно – незнакомец удовлетворенно хмыкнул. Рисковать не было смысла – злоумышленник достала из кармана тряпку, смоченную хлороформом, и поднес к носу Рика. Затем, отвинтив защитный колпачок, достал шприц и с силой воткнул тонкую иглу под кожу. Рик заворочался —незнакомец замер, нет, кажется, все обошлось, лицо рабочего вновь приняло безмятежно-сонное выражение. Багровая жидкость медленно, но верно просочилась в организм Рика Бучера.

Тварь быстро неслась вперед, увлекаемая шумным водным потоком. Несколько минут назад течение вынесло ее из Плечевой вены, и теперь кровеносные пути вели ее в самый центр империи. Здесь для нее все было в новинку, но она знала, что ее дом близко, она осязала это всем своим существом. Однако следовало быть осторожной. Тварь нырнула под воду – прямо над ее головой секундами позже пронесся военный катер. Здоровяки макрофаги, стоящие в нем, о чем-то оживленно беседовали.

– Гребанный внешний патруль, перебили часть наших вместе с рабочими из Желудка. Хорошо, что их вывели из Империи.

– Да, только вот несколько раковых зомби снова сбежало, и пока наши их не поймали.

– Да заткнитесь вы! Смотрите в оба, вдруг какая-нибудь мерзость проникла через кожный барьер!

Катер заглушил мотор и остановился, тварь знала, что макрофаги сейчас пристально вглядываются в водную гладь, и если они увидят ее, то немедленно уничтожат. Вернее попробуют уничтожить, тварь была не намерена так просто сдаваться. Но патрульные, судя по всему, не увидели ничего подозрительного. Заревел мотор, и катер помчался вперед, поднимая тучу брызг. Тварь улыбнулась кровожадной улыбкой, ее глаза под водой горели хищным желтым огнем.

Глава 6. Глобал Фармасьютикалс

Едва только Адам и Линда переступили порог медицинского центра, как к Линде тут же подбежала медсестра. По ее обеспокоенному лицу было видно, что случилось что-то непредвиденное.

«Подождите меня здесь», – бросила она Адаму, указав на ряд скрепленных стульев у ближайшей стены. Тот и не подумал присесть, а Линда вместе со встревоженной медсестрой скрылись в ближайшем кабинете. Однако долго пребывать в раздумьях одному Адаму не дали, буквально через минуту к нему подскочила черноволосая пучеглазая девчушка. Она с интересом оглядела Адама с ног до головы, а затем, не стесняясь, спросила:

– Это все мозоли, да сэр?

Адам удивленно захлопал глазами, не зная, что и ответить.

– Не понимаю, о чем ты, милая.

– Меня зовут, Аннет, сэр, – серьезным тоном представилась девочка. – Я вижу у вас ужасные мозоли на ногах. Вот и вы пришли к нам в клинику, чтобы излечить их. Если не вылечить их, то начнется воспаление, вызванное попаданием бактерий, и часть ноги придется ампутировать.

Адам снова воззрился на девочку: этой крошке он дал бы от силы лет семь, а разговаривала и вела она себя совсем, как взрослая. Откуда она столько знает?

– Я пришел проведать своего друга, Аннет. Он болен, куда серьезнее, чем я.

– Неужели вы не слышали сказку, про маленьких трудолюбивых человечков? – перебила его Аннет.

– Нет, ни разу не слышал.

– Так вот, маленькие трудолюбивые человечки живут внутри вашего тела. От их деятельности зависит ваше здоровье, они качают кровь через сердце, поддерживают кости твердыми, проводят нервные импульсы из мозга и обратно для управления мышлением и всеми процессами, перетирают переваренную пищу и воюют с опасными микробами внутри. Но вы, сэр, не бережете свои ноги: подошвы стерты до мышц, и маленькие человечки вынуждены работать на износ. Почему же вы так делаете? Почему не бережете свои ноги? – девочка пронзала его своими гигантскими темными глазами, она требовала от него ответа.

– Ты очень умная девочка, Аннет, но я делаю это осознанно, – заговорил Адам. – Я испытываю боль физическую, чтобы заглушить боль душевную, которая преследует меня вот уже много лет.

– Но почему бы вам просто не стать больше помогать людям? – снова перебила его Аннет. – Если вы вылечите свои ноги и будете чувствовать себя здоровым, то сможете больше помогать людям, и ваша душевная боль пройдет.

– Аннет, ты уже сделала уроки на завтра? – Линда незаметно подошла к ним.

– Да, мама, – радостно отозвалась Аннет. – А сейчас я пытаюсь убедить...

– Линда, извини, но нам с мистером ...Э

– Адамом, зовите меня просто Адамом.

– Мистером Адамом предстоит серьезный разговор наедине. Сходи пока, почитай книжки в библиотеке.

– Да, мама! – весело отозвалась девчушка и вприпрыжку помчалась к выходу из больницы.

– Очень умная у вас дочь, – попытался начать разговор Адам.

– Да, да, единственное мое счастье в жизни, – ответила Линда, думая о чем-то своем. – Ах, да простите. Мы же хотели поговорить о вашем друге, Рике. Просто посторонний проник

в хранилище образцов крови и сейчас вся больница на ушах стоит. Пропал один из зараженных образцов.

– Верю, что полиции удастся поймать преступника и вернуть образец на место.

– Я тоже на это надеюсь. Но не могу больше испытывать ваше терпение. Ваш друг, Рик, тяжело болен. Как вы уже, наверное, знаете у него рак желудка третьей стадии. Мы используем химиотерапию, ему стало гораздо хуже, но не только от химиопрепаратов и опухоли. Есть еще что-то, что мучает его изнутри. И мы не можем выяснить, что это. По крайней мере, не в нашем центре.

– Нам остается лишь молиться за его выздоровление. Бог поможет ему, – смиренно ответил Адам.

Линда покачала головой.

– Помогать надо не молитвой, а действием. Вам надо ехать в столицу, в новейший медицинский центр.

И Линда протянула ему пластиковую карточку. На карточке было напечатано синими чернилами следующее: Габриэль Томсон, СЕО транснациональной корпорации «Глобал Фармасьютикалс». Фактический адрес предприятия в столичном регионе: улица заседаний, дом 146. Сообщить на посту охраны код:874391. Срок действия кода: 1 неделя.

– Что это значит? – озадаченно спросил Адам.

– Габриэль Томсон – это признанный гений медицины. Только он сможет помочь вашему другу. Как-то раз я оказала ему важную услугу, и теперь он мне безмерно благодарен. Добиться его аудиенции без связей невозможно. Но я даю вам шанс, и вы должны использовать его. Если код не сработает, то кричите, что вы от Линды Маккуей. Да, и оденьтесь поприличнее. В таком виде вас вряд ли пропустят.

– И как Габриэль Томсон сможет помочь моему другу?

– Моя дочь рассказала вам сказку про маленьких человечков?

Адам кивнул головой.

– В каждой сказке есть доля правды. А теперь идите, судьба Рика находится в ваших руках. Не медлите, время работает против вашего друга, – и Линда легонько подтолкнула Адама к выходу. Пройдя несколько шагов, Адам обернулся, вспомнив, что он забыл поблагодарить медсестру, но той уже и след простыл.

Он прибыл на столичный вокзал ровно в полдень. Вопреки указаниям Линды Адам укутался в свои лохмотья и не надел обувь. Он столкнулся с человеческой жестокостью еще на городской станции: кассир, видя, как Адам скрупулезно считает деньги за проезд, захохотав, кинул ему в лицо пригоршню монет; контроллер долго не хотел впускать Адама в поезд, решив, что тот обычный бродяга, укравший билет у честных граждан; в самом поезде проводница пролила ему на грудь кипяченый кофе и даже не извинилась, а один из мальчишек подставил ему подножку при выходе из вагона, отчего Адам больно ударился об твердые плиты перрона. Столица встретила его ярким обжигающим солнцем, которого он никогда не встречал в городе. Толпы людей сновали в разные стороны, каждый из них был винтиком в огромном механизме столичного города, и если какая-либо песчинка попадала внутрь, то механизм всеми силами старался избавиться от нее. И этой песчинкой стал Адам. Каждый второй прохожий норовил толкнуть его плечом, белые воротнички в дорогих, сшитых на заказ костюмах, с аккуратными кожаными кейсами в руках брезгливо оглядывали его, как кусок липкой грязи, и спешили как можно скорее пройти мимо.

Адам встал посреди широкой улицы, не обращая абсолютно никакого внимания на рассерженных, спешащих людей, и раскрыл старую потрепанную карту. Искомое здание было обозначено кривым красным крестом, он провел грязным заскорузлым пальцем по шершавой бумаге – ему оставалось идти всего пару кварталов.

Карта привела его к площади, которая раскалилась под палящими лучами солнца, как гигантская сковородка, здание корпорации «Глобал Фармасьютикалс» возвышалось ввысь на пятьдесят этажей. Покрытое затемненным зеленым стеклом оно напоминало исполинский изумруд. Адам неуверенно сделал несколько шагов вперед, из центрального входа тут же появился охранник, словно сработала незримая сигнализация. Адам задумался, зачем люди строят такие высокие здания? Неужели они хотят таким образом приблизиться к Господу, или же сами возомнили себя богами? Адам присел на четвереньки на раскаленную мостовую и принялся громко молиться вслух за спасение своего друга, Рика. Охранник подошел вплотную, Адам понял это по тяжелому запаху пота, исходящего от его тела.

– Проваливай! – крикнул ему чуть ли не в самое ухо охранник.

– Прошу вас, прошу вас! Мне нужно попасть к мистеру Габриэлю Томсону, чтобы спасти моего друга от страшной болезни! Если в душе мистера Томсона есть место Богу, то он сможет помочь!

– Боюсь, это невозможно, – насмешливо ответил охранник.

Тяжелый запах пота донесся с другой стороны, к говорящим подошел второй охранник.

– Проваливай! – повторил он вслед за своим коллегой.

– Восемь-семь-четыре-три-девять-один! – выкрикнул Адам в отчаянии набор цифр, напечатанный на карточке. Лица охранников остались беспристрастными. Они по-прежнему угрюмо оглядывали бродягу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.